

Сервис
Медиа

ЛЮДМИЛА ГУРЧЕНКО

Иногда мне кажется, что я снималась постоянно...
когда пела, когда говорила с кем-то, когда читала книгу...
Мне не нужна была съемочная площадка.

Никитин разрешил мне называть его папой. Со временем он оказался единственным человеком, к которому я могла обратиться с просьбой.

Идешь по «Мосфильму», а навстречу Пырьев, Райзман, Александров, Ромм...

С Эльдаром три встречи. Начало пути. Середина жизни — «Вокзал для двоих». И вот «Старые клячи», третья дистанция.

Люся, стоп!

Зеркало памяти

Людмила Гурченко

Люся, стоп!

«Издательство АСТ»

2010

УДК 791.44.071.2(470)
ББК 85.374(2)6-8

Гурченко Л. М.

Люся, стоп! / Л. М. Гурченко — «Издательство АСТ»,
2010 — (Зеркало памяти)

ISBN 978-5-17-154920-6

Людмила Гурченко (1935-2011) — народная артистка СССР, эстрадная певица, была и остается любима зрителями. Кто-то до сих пор хорошо помнит спектакли и концерты с ее участием, кто-то еще только знакомится с этой удивительной актрисой по ее ролям в фильмах. Творчество Гурченко будет восхищать и потрясать вечно: она смогла создать такие образы, которые, увидев раз, запоминаешь на всю жизнь. Невозможно остаться равнодушным, посмотрев кинокартины «Карнавальная ночь», «Любимая женщина механика Гаврилова», «Вокзал для двоих», «Любовь и голуби», «Моя морячка», «Аплодисменты, аплодисменты» и многие другие. Зажигательная, эмоциональная, яркая, харизматичная, ни на кого не похожая, разная в каждой своей роли, она навсегда пленяла не только зрителей, но и своих партнеров. А среди них — Олег Басилашвили, Юрий Никулин, Сергей Юрский, Никита Михалков, Олег Табаков, Нина Дорошина... Конечно, ей повезло и с режиссерами — Эльдаром Рязановым, Владимиром Меньшовым, Константином Воиновым, Андреем Кончаловским, Кирой Муратовой и другими. Все они предлагали такие роли, в которых талант Гурченко раскрывался необыкновенно и многогранно. Также раскрылся он и в книге «Люся, стоп!», где она увлеченно и с юмором рассказывает о жизни, съемках, знаменитых людях и, конечно, о своей семье и любимых внуках. Она была по-настоящему счастливой женщиной и этим счастьем щедро поделилась с читателем. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 791.44.071.2(470)

ББК 85.374(2)6-8

ISBN 978-5-17-154920-6

© Гурченко Л. М., 2010

© Издательство АСТ, 2010

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	11
Глава третья	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Людмила Марковна Гурченко

Люся, стоп!

© Л.М. Гурченко (наследники), 2023

© ФГУП МИА «Россия сегодня», 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Новая жизнь. Новые ценности. Новые цены. Новые слова.

Популизм, плюрализм, менеджмент, электорат, консенсус, имидж, менталитет, инаугурация, стагнация, презентация...

Тут как-то несколько лет тому и у меня состоялась презентация компакт-дисков. Я отвечала на разные вопросы попеременно с исполнением песен. Было много приятных слов.

А это очень-очень приятно, когда коллеги говорят приятное. Это бывает редко. И еще потому – ах, как приятно! Стою вся в «приятном» и чувствую, что вот-вот начну «млеть». А тут уже и завершающая часть презентации подспела. Когда и выпили, и закусили. Когда не сиделось за своими столами. Когда все смешались и сгруппировались по интересам.

И вот, когда кончились приятные светские речи, подходит ко мне здорово поднабравшийся музыкальный редактор одного из центральных каналов ТВ с рюмкой в руке и, покачивая головой, говорит:

«Я даввно ввам ххотел сазать... Ввас ведзь ниикто не любит... (Долгая пауза. У меня быстро сформировался желтый шарик желчи: Люся, стоп!) Кромь на-ро-да».

Спокойно. «Пролетело, не заметили». А теперь быстро улыбнись и пожми ему руку, как самому искреннему другу.

Так я и сделала. Молодец, Люся!

Дорогой мой народ! Дорогие зрители. Зрители-читатели. Я живу и работаю для вас. Когда я в кадре, я предощущаю, как вы улыбнетесь или заплачете, глядя на экран. Когда я выхожу на сцену и слышу ваши аплодисменты – это для меня как взлет в небо, как взмах крыльев, как наркотик, как водка, как адреналин!

Много небылиц, сплетен... Лучше я сама напишу. И все, что здесь прочтете, – это для вас. Только для вас.

Глава первая

Сделайте ему минуту счастья!

Это когда же мы с вами расстались? Когда начались съемки «Любовь и голуби»? Где-то сразу после «Рецепта ее молодости». Ну да, летом тысяча девятьсот восемьдесят третьего года. Давненько. Ого, как давненько.

«О, сколько нам событий трудных...» с тех пор пришлось пережить и в душе, и в работе, и в жизни страны, и в жизни личной. Это же еще до великой перестройки? Сейчас 2001 год. И иногда как включишь ТВ – а «Любовь и голуби» тут как тут: «Фух ты, ёшкин кот!» – родной голос Васи (Саши Михайлова). Или: «Людк! А Людк! Смотри, это же она!» – особая интонация актрисы Нины Дорошиной. А наутро вывожу собаку, а за спиной: «Людк, а Людк!» – и смешок. Добрый смешок. Тот, что надо. Да я и сама всегда смеюсь. И не надоедает.

Редкая картина. Народная комедия.

Режиссер Владимир Меньшов, пока не доведет партитуру фильма до абсолютной чистоты, где не фальшивит ни один инструмент, мучает нас, себя.

Порой в первый же съемочный день очень трудно встроиться в середину картины, в самый разгар отношений. Это не театр. И надо быть готовым в первом же кадре играть смерть-финал, еще не сыграв ни одного кадра начала или середины роли. Просто уходит натура. Или у дирекции фильма график съемок так составлен. Разные причины. Редко когда в картине все сцены снимались по порядку.

И вот первый кадр (это середина моей роли) – мы с Васей выходим из бара вдребезги пьяные и поем на весь пляж «Надежду». Раз дубль – не то. Два – еще больше не то. И все не то, не то, не то. Притихли мы с Михайловым. С ним еще едва знакомы. Живьем видим друг друга впервые.

Вокруг стоят любопытные отдыхающие. Они разочарованы – что тут такого трудного? Прикинуться пьяным, пошататься и спеть... Меньшов как ненормальный бегаёт по гальке, не чувствуя, что брюки по колено мокрые. А потом упал на гальку: «Это я, это я виноват! Ничего не могу придумать! Я, я, я ви-но-ват!»

Тут нужен абзац. Я снималась до этого много. Но чтобы режиссер вот так, открыто, кричал о своей беспомощности... Нет, не помню. Вот что-то из: «Ну-ка, артисты, еще раз», «Ну, еще как-нибудь», «Ну, вы же артисты!», «Артисты, и не можете сыграть элементарного!», «Милые, а за что ж вам деньги платят?», «Слушайте, чему же вас там учили?» – вот это артистам хорошо знакомо. Есть и другие режиссеры. Но к ним надо попасть. А такое нечасто.

Меньшов полежал-полежал на гальке, посмотрел-посмотрел в небо и как вскочит, как затанцует, как захохочет: «Нашел! Нашел! Понял! Есть! Сюда!» Рабочие быстренько взбили кучу гальки. И я, пьяненькая, по этой гальке, из положения «стоя» сразу в положение «лежа» – шлеп! И вместе с текстом съезжаю прямо в крупный план: «Какие звезды на небе...» Неожиданно и смешно. А главное, «лежа» – оно ведь ближе к «любви».

Рано утром сижу на гриме. Входит Меньшов с магнитофоном. Всю гостиничную гримерную – маленький номер гримерши – заливает жгучее танго. С самого утра запахло морем, знойным солнцем, хмельным баром и грешной любовью. На голове у меня рождается модная прическа первой леди райцентра.

– Та-ак, – говорит Меньшов, – он ее раздел! Положил на стол! И голыми руками... там ей что-то раздвинул... «Не больно?» – «Нет, очень хорошо».

У гримерши расческа замерла в руке. Вот оно что... Какая жизнь пошла в группе! Как интересно... Это же только начало картины... Что будет, что будет... О-о-о!!!

– Он вынул все внутренности – и в таз!

Боже мой, как она вздрогнула! Металлическая расческа со звоном упала на пол. А Меньшов, чувствуя такую реакцию, продолжил с еще большим подъемом. Этой сцены в сценарии не было. Он ее написал ночью. Потом, как только стало понятно, что это сцена, для картины, лицо у женщины сразу стало будничным. Она подняла расческу и продолжила достраивать на моей голове халу. Глаза ее мгновенно потухли. Интерес пропал. Это я бы тоже с удовольствием сыграла.

Я очень люблю финал этой сцены, когда герой, ошарашенный новшествами филиппинской медицины, спрашивает у меня, то есть у Раисы Захаровны: «Ну и как эта баба? Жива?» – «Ого, еще как жива! Правда... не узнает никого».

Цитируют картину повсюду. 8 Марта в «России» я принимала участие в шоу у Валентина Юдашкина. Готовлюсь к своему номеру и слышу в толпе артистов: «А ты помнишь: “Людк, а Людк! Сучка ты крашенная”».

Все дружно засмеялись. Ну, думаю, я не я, если сейчас не доиграю. Не поленилась, спустилась с подиума, который начинался за кулисами, подошла к веселой компании и доиграла: «Почему же крашенная, это мой натуральный цвет!» Ну, какая была бурная реакция! Нас даже к порядку призвали. Это были ребята из «Икс-Миссии».

На съемке я тоже не могла удержаться от смеха. Нет, ну правда, – то, что сучка, ей не обидно, а вот что крашенная... Как это чисто по-женски.

Картина закончена. Роли озвучены. Артисты уже не нужны. Идет монтаж. А тут вышел закон о запрете алкоголя. Срочно стали вырубать виноградники от Грузии до Молдавии. Люди по домам взялись гнать самогон. Исчез сахар. Исчез одеколон. Из аптек пропали лекарства, в которых есть хоть капля спирта. Ну а в кино, естественно, пошла «вырубка» сцен, где хоть малейший намек на «вздвогнем». А у нас, в «Голубях», ого сколько таких «вздвогнем»!

Я увидела на студии Меньшова с лицом черного цвета, с затравленными глазами. Он всем доказывал, что это комедия, что это несерьезно, что нет там никакой агитации в пользу алкоголя... «Вырезать! Ну не могу, не могу я вырезать! Режьте меня! Меня режьте!»

Не дай бог быть режиссером! Если только этим заниматься, если только этим жить, надо иметь колоссальное здоровье и металлические нервы. А терпение? Терпение!!! Талант же, вкус, слух, музыкальность – это атрибутика. Это аксиома. Это как само собой.

Меньшов человек сложный. Зажжется и погаснет. И сразу пустой и неинтересный. Вдруг позвонит ночью, возбужденный, говорит, что только что показывал американцам наши сцены с Михайловым, – а сам хохочет, доволен, говорит мне, что я роль «вышиваю». Это приятно слышать. А через неделю может пройти мимо и не поздороваться. По-человечески он мне не близок.

Съемки «Голубей» были уже в разгаре, а на мою роль еще никого не утвердили. И вдруг (все то же кинематографическое «а вдруг») я получаю телеграмму из Медвежьегорска. Режиссер Меньшов поздравляет меня со званием народной артистки СССР. И такие слова замечательные в мой адрес. Телеграмма большая. Денег не пожалели. Короче, предлагает мне, не читая сценария, приехать в Медвежьегорск. Там он мне все расскажет про роль подробнее и интереснее. Я только что закончила музыкальный фильм «Рецепт ее молодости».

Роль трехсотлетней актрисы в шляпках и перьях. А что? Нырну-ка я в другую атмосферу. Чем черт не шутит? «А вдруг?»

«Давай, дочурка, вперед, дуй свое. Риск – благородное дело».

Собрала манатки и поехала. Снимали сцену героини фильма с ее детьми. Меньшов чем-то был недоволен, хотя актеры играли легко и азартно. Мне понравилось. Может, я, свежий человек, еще не в атмосфере? Режиссеру сказали, что я уже приехала, что я на площадке. И я за спиной слышу голос: «Вы уже так много всего наиграли... Я даже не знаю, что вы еще можете». Та-ак. Приехали. Ни привет, ни здрасте. Люся, стоп! Вспомни, у тебя был опыт у Германа

в «Двадцати днях без войны». Такое же печальное начало. Потому молчи и жди, что будет. Промолчала. Первый раунд выиграла. Приняла удар.

Что дальше? Значит... Никаких иллюзий. Забыть слова из телеграфного бланка. Знай о себе голую правду. Что у трезвого на уме, то у пьяного... Меньшов был навеселе. Вы удивитесь? Актер, пришедший на пробу и даже на первый съемочный день, – это всегда поединок. Доказывать, доказывать, быть все время под вопросительным знаком. Как бы режиссер ни хотел, ни решил, что будет снимать только тебя, – это всегда бой. Пока не увидит первые сцены на экране.

Досадно. Зачем приехала? Что за дурацкий кинематографический азарт? Это идиотское «а вдруг». Спокойно. А сколько раз влетала в кадр без подготовки, в своем собственном костюме. Да с самой той первой веселой картины так. Это уже потом, у очень тонких и умных, работала на полном доверии, без проб. Черт бы их побрал, эти пробы! Иногда смотрю на себя – ну нет, нигде нет ни одного живого места, чтобы пробу поставить... Вся в пробах. Терпим. В таких случаях важен результат.

А через две недели съемки пошли весело и легко. Меньшов опять был увлечен. Много сочинял, сам смешно показывал, хохотал. И ему почти нравилось то, что я делала в кадре.

Еду в поезде на гастроли. Утром весь вагон выстраивается в туалет. Ну и я тоже. Что я – не человек? Народу много. Подожду. Но уже ясно, что весь вагон в курсе, что я здесь. А мой противный глаз сразу замечает человека, который тут же напрягся, подобрал живот и широко улыбнулся. Он-то уж точно меня не отпустит без... – еще не знаю чего – автографа или, не дай бог, фотографии дуэтом на фоне туалета. Ну, пора вылезать из купе на свет божий. «Мой человек» стоит, ждет. Деваться некуда. Иду.

– Товарищ Гурченко, я вас жду.

– Я вижу.

– Значит, так. Докладываю. Я капитан дальнего плавания. У меня есть один грех. Могу запить. Когда по полгода в море... сами понимаете. Но команда меня уважает. Они ждут сколько надо, а потом ставят мне «Любовь и голуби» – помните, где вы с Васей на юге? – И тихо зашептал: – Каюсь, у меня тоже такое было! Ужас! – И опять громко: – Товарищ Гурченко, Людочка, дорогая! Все, что хотите, – шампанское, коньяк, цветы, шоколад! Умоляю, – как вы там говорите? Людк, а Людк... Скажите!

– Так вы наизусть уже все знаете.

– Ну что вы, Людочка, то кино, а тут – вы! Живая! Бог ты мой, вот же удача! Всё! Все, что хотите! Ну что вам стоит? Ну, Людочка! Сделайте моряку-командиру, который годами не видит родных берегов, сделайте ему минуту счастья! Он этой минуты никогда не забудет!

Вот она, моя любимая профессия. Восемь утра. Лицо утреннее, несчастное. И вот сейчас я должна забыть, что я просто слабый человек, что я тоже хочу в туалет. Будь любезна в одночасье, в одноминутье сумей себя встряхнуть, «перевоплотиться» и сыграть ярко и весело, громко и артистично. Та-ак... копят слезы обиды на судьбу, на серость за окном. А желтый шарик желчи подпрыгнет к горлу и откатится, подпрыгнет и откатится. Слава богу, не взорвался. Не надо. Уйдут силы, энергия. Они нужны для вечернего концерта. Краем глаза замечаю, как из всех купе за нами следят пассажиры. И в восемь утра, около туалета, я в полный голос и в удовольствие кричу: «Девочки! Уберите свою мать! Ах ты, зараза... Людк! А Людк! Де-ре-вня!!!» Аплодисменты. Повлажневшие и удовлетворенные глаза капитана.

Молодец, Людмила. Победила себя. Всегда бы так. А то приходят за кулисы мои давние поклонники со взрослыми детьми и внуками. И, прикрывая ротик с зубками через один: «Ой, мы вас так любим, мы были еще подростками, когда вышла ваша картина про пять минут. Помните, вы там с белой муфточкой?»

Мне ли забыть ту белую муфточку? Как же врезался всем в память тот мой жизнерадостный облик. А рядом со мной стоит молодой муж. И я – хоть умри, – но должна быть веселой, молодой и с тонкой талией.

Когда-то одна пятидесятилетняя актриса говорила нам, молодым, только начинающим (мы жили с ней в одном гостиничном номере): «Ох, девочки, я с вами целый день хохочу, бегаю на каблуках, а ночью, вы уж извините меня, ночью я храплю, пукаю...» Ночью я, говорят, не храплю, но, наверное...

Почему я не увильнула в то утро, не придумала причину, бросив пару резких слов тому капитану с его предложением в восемь утра? Я об этом думала. Видимо, он на меня смотрел, не замечая, что я «утренняя», в халатике, с полотенцем и зубной щеткой в руках. С виду я была как все пассажиры. А он смотрел на меня как на царицу. Он чувствовал, был уверен, что сию минуту он увидит именно то, что хотел, о чем очень-очень искренне просил. Он желал этой минуты счастья. И он ее получил.

Это самые интересные зрители. Они видят во мне не платье, грим, прическу, шляпку. Они не оценивают меня – сколько я «стою». Интересно, впервые я о такой «стоимости» услышала в Нью-Йорке. Мои московские знакомые говорили между собой, глядя на свою знакомую из Одессы: «Она тянет на семьсот». – «Ошибаешься, здесь все девятьсот». – «Подумаешь, на двести ошиблась». Мне не хотелось бы, чтобы я «тянула» внешними атрибутами. Пусть «тянет» то, что я умею делать.

А про капитана это еще не конец. Вечером в концерте чувствую какую-то особую, небудничную атмосферу в зале. Ну, это как в советские времена, когда идет заседание, но все знают, что скоро вынесут знамена, заиграет горн, потом марш... И что? В первом ряду я вижу капитана в парадном, со множеством медалей и значков. Рядом с ним очень хорошенькая пухленькая женщина, видно, жена. И сразу вспоминаю его шепот насчет греха на юге. Вот интересно, на кого же он ее тогда променял? Такая прелестная молодая женщина... Ах вы, мужчины-чертяки! Кто вас поймет? И что вам надо?

Рассказываю в концерте об утреннем эпизоде в поезде. Играю все в лицах. Зал очень хорошо реагирует. Представляю залу капитана. И началось! Капитан торжественно встал, поклонился залу, хлопнул в ладоши, и из двух противоположных выходов стройным шагом пошли матросы с ящиками коньяка, шампанского, цветами и коробками конфет.

Зал ахнул. Стою среди этого добра, кланяюсь, благодарю. А еще только треть концерта... А как перевести на серьез? А как двигаться среди ящиков? Нет, никаких пауз. Пусть все будет так. Перепрыгивала через ящики, под аплодисменты веселых зрителей. Успех был, чего уж... Но героем вечера стал капитан. У него тоже брали автографы. Вот тебе и «Людк!».

Глава вторая

Урок

1983 год. Последний год, когда казалось, что вот, наконец, наступило небывалое, душевное «перемирие», долгожданное прекрасное затишье. Как долго я его ждала. Достигнут желанный успех и покой. И весь мой подуставший организм и душевное равновесие сигналили: мгновенье, остановись! Это твой личный рекорд. Не о нем ли ты втайне мечтала, хотя и говорила: нет у меня «мечт», ни о чем не мечтаю? Лукавишь. Разве не приятно, что зрители цитируют «Голуби»? А! Приятно. А «Вокзал» как отшумел! И шумит. И как по душе пришелся людям. Конечно, очень, очень приятно.

«Людочка! Пишу вам из мест не столь отдаленных. Я бугор. Меня все боятся и, конечно, уважают, уж вы поверьте, есть за что. Недавно зашел в библиотеку, взял журнальчик, где вы на обложке в красном. На шейке у вас фуфлю, а вот в ушках вещичка стоящая, верьте, я в этом разбираюсь. За это и получил свое. Короче, я в этом профи. Ну что ж, думаю, сидеть мне осталось девять месяцев. Решил, как выйду, первую, кого очищу, это Вас. А тут завезли к нам ваш фильм «Вокзал для двоих». Смотрел я его два сеанса подряд, ночью не спал. Все разглядывал ваш портретик, вспоминал картину и думал о Вас. Кровью, кровью и потом зарабатываете себе на жизнь, честно, как говорится, живете. И вот что я решил – живите спокойно. И всем своим наказал, чтобы порог Вашего дома не переступали.

Уважающий Вас и Ваш труд *Леонид*».

Ну! Что вы скажете? Разве это не признание народа, пусть даже не совсемординарное? Приятно? Конечно. Ну так живи и радуйся. А часовой механизм, скрытый в мозгу, подает сигнал, чуть слышный толчок в сердце: «Ой, слишком все хорошо. Ой, что-то не так. Так хорошо, как просто быть не может. Люся, прислушайся!» Наверное, где-то тут прячутся сложности моего устройства. Еще нигде нет видимых туч, ничего такого материального, что можно было бы потрогать, а изнутри уже тихонько пролезают знакомые колючки.

Вдруг по ночам просыпалась в предощущении мрачных прогнозов. Эти мраки прежде отступали, если не могли затуманить вдруг взорвавшуюся атмосферу света и радости. Не важно от чего – от влюбленности или от встречи с интересной ролью. А тут – не пойму. Тык-мык – и не справляюсь. Люся, все хорошо. Все на местах. Успокойся. Нет! Да что же это такое?

Вот так сижу в царстве сомнений и думаю, перемалываю, где что не так сделала, не так сказала. Многое припоминаю, многим недовольна, многое передислоцирую.

Успех? Ну и что? Он еще жестче подчеркивает твое одиночество. Пройдет совсем немного времени, уйдут милые слова, охи и ахи, и получишь: «Перестаньте, она кончилась. Ничего нового не увидим». Нормально. Успеха не прощают. Надо умирать вовремя. Это уже проверено. А что самое поразительное – порой успеха не прощают самые близкие и родные. «Ах, если бы не я, она бы ничего не добилась», «Ну, мой вклад здесь тоже есть». Если это семья, то можно ли так разбирать все? Теперь я думаю, что все меня больше любили и жалели, когда я столько лет не снималась. Приятно, оказывается, жалеть и даже высоко оценивать человека, над которым долго висят темные тучи. У него нет успеха. Он безвреден. Он как все.

Недавно мне позвонила моя харьковская подруга Любочка Рабинович. «Ты знаешь, что нужно, чтобы жить спокойно?» – «Нет, Любочка, не знаю». – «Три «Б». – «Ого! Ну, одно «Б» я понимаю. А что такое три?» – «Надо быть Бедной, Больной и Бездарной».

Так вот сидишь во мраке, и наступает полная расцентровка, когда под ногами исчезают старые, протоптанные дорожки. А новые не появляются. О, как становится неуютно, как страшно впасть в панику, стать жертвой собственного психического срыва! И он стал ко мне

подкрадываться. Со стороны он непонятен, неуловим. Все происходит глубоко внутри души. Вдруг все замирает. Ничего нет. Ни стука сердца, ни дыхания, ни бульканья в животе. А потом шук-шук, шук-шук... Кто это? Да это я, твоя душа. Она подает свои тревожные сигналы. И объяснить никому нельзя. И слов таких нет.

Это предчувствие чего-то мрачного, ощущение внутреннего раздража пришлось на фильм «Аплодисменты, аплодисменты». Сценарий назывался «Актриса прошлых лет». Автор – Виктор Мережко. До этого я снималась по его сценариям в небольших ролях в фильмах Виктора Трегубовича «Уходя – уходи» и Романа Балаяна «Полеты во сне и наяву». Мережко как-то сказал, что напишет для меня сценарий. И свое обещание выполнил. Героиня фильма – актриса. Эта актриса пробует доказать режиссеру, что только она должна сыграть главную роль. Она много знает о женщине, которую хочет сыграть. Она ее чувствует. Это ее роль. В сценарии Мережко много интересных эпизодов, но о самой же женщине (что она? кто она?), о ее биографии и почему моя героиня знает и чувствует ее, ничего не было. И непонятно, в чем же преимущество моей героини перед другими претендентками на главную роль.

Режиссер Виктор Бутурлин приходил, рассказывал, как он видит картину, как будет снимать. Я кивала. Из всех сил встраивала себя в сценарий. Режиссер уходил. Потом звонил: «Ну, работаем?» – «Нет, не сходится. У меня ничего не склеивается. – Боже мой, какие слова: «не склеивается», что за глупость. Ведь сценарий написан специально для меня. Уже ответственность. – Понимаете, я тут не нужна. Эту роль прекрасно сыграет любая хорошая драматическая актриса».

Еще и еще раз встречались. И расходились ни с чем. Потом стало тихо.

«Што Бог ни делает, дочурка, все к лучшему».

Мне встречались режиссеры, которые ярко и завораживающе могли рассказать будущий фильм. Да так, что сразу видишь его, влюбляешься в предстоящую работу и летишь на крыльях. Как-то, еще «на заре туманной юности», я снималась в одном из фильмов для ТВ. О, как режиссер фантазировал! «Тут он (герой) летит по старинной аллее с колоннами, увитыми плющом, а за ним погоня! Монахи с огромными породистыми собаками! Он еще быстрее, они нагонят его вот-вот. Он оглянулся – и бабах о колонну лбом! Колонна – вдребезги! Мы уже заказали такую. Да! От такого удара земля провалилась, и его нет! Нет. Только что был, и нет. А? Провалился! Исчез! Совершенно! А монахи с собаками шустрь-шустрь, шустрь-шустрь...» И сам режиссер хохочет, и я хохочу! Во попала в какую веселую картину. Мне двадцать два, сил много, хохотать хочется. Счастье, и все тут. Нет, ну ей-богу – лбом разбить каменную старинную колонну. Ничего себе!

Смотрю готовую картину. Ни колонны. Ни плюща. Ни аллеи. Ни породистых собак. Нет ничего. Не получилось. Многого на экране не получилось.

Иногда слушаю красочные рассказы, а сама просеиваю через свой горький опыт: это случится, а это чистый вымысел, несбыточные видения и фантазии. Остается то, что возможно, что реально. Компьютерная графика и новая техника в наше кино только стучатся.

И опять звонок в дверь. «Мы разговаривали с актрисой, которую вы предложили, но эта роль только ваша. Только вы, только вы. Будем менять, переписывать». Будем, будем, будем...

Встречались у Мережко. Обсуждали, рисовали, фантазировали. А не зазналась ли я? Вот сценарий для меня. Молодой режиссер. У него первая картина. Говорят, что у него талант, прекрасная дипломная работа. А я капризная «совковая» звезда. И я сдалась. Сдалась в полном, полнейшем сознании того, что делаю большую ошибку. И, к сожалению, так и случилось. Работа оказалась мучительнейшей.

Иногда актера важно заполучить, а там мы его...

Мой учитель, Сергей Герасимов, говорил: «Актер – это соавтор. Режиссер и актер – это диалог, это наивысшая степень взаимопонимания. И тогда вы все это увидите на экране. Обязательно». Я смотрела на Сергея Аполлинарьевича с восторженным недоумением. Я жутко боя-

лась режиссеров. Еще бы! Идешь по «Мосфильму», а навстречу Пырьев, Райзман, Александров, Ромм... Режиссер. Это бог! Маг! Кудесник! Какой там «диалог»? Страшно подумать...

Но вот, пройдя большой путь, сыграв столько ролей, я могу сказать – да, я несколько раз ощущала себя соавтором, и были прекрасные диалоги и взаимопонимание. И действительно все это видно на экране. Но жизнь летит. Надо работать. Надо быть в боевой форме. Надо получать зарплату. Естественно, неизбежны и другие встречи. И их, к сожалению, большинство. Ну, как это частенько бывает? Говорит режиссер что-то понятное только ему одному. Актеры бывалые, профи. Договариваются между собой. Главное, выяснить у оператора траекторию мизансцены и свет. Мотор – и поехали. Всякое бывало.

Ладно. Обещали: будем, будем, будем? Что ж: давайте, давайте, давайте. На экране появились сцены, которых не было в сценарии. На ходу, в импровизациях рождалась биография роли, которой так добивалась моя героиня. Пришлось вспомнить мою молодую маму и заговорить ее языком и оживить такие узнаваемые детали военной и послевоенной жизни. Страстные монологи режиссера в блестящем исполнении Олега Табакова. Он прямо в кадре вынимал из памяти такое свое личное, что никогда подобного не сочинишь. Виктор Бутурлин был в сложном положении. Он метался между Мережко и тем, что было на экране. Мы начинали съемку с того, что больше ничего не будем придумывать. Хорошо. Не будем. После съемки режиссер считал, что придумывать надо еще многое. Мережко как-то сказал: «Да, не всегда получается хороший сценарий. Да, этот сценарий неудачный». Жаль, что так поздно сказал. Не было бы столько потерь сил, нервов, полугода жизни.

Я вылезла из собственной шкуры. Не спала ночей, проклинала себя за слабость. Понимала, что проваливаюсь, что где-то сковырнусь, а может быть, даже заболēju. Выходных у меня не было. Или репетиции танцевальные. Или поиски композитора, а потом репетиции с ним. Или поиски текстов. Горы стихов перевернула, пока не нашла стихи Расула Гамзатова «Пять минут тому назад». И т. д. и т. п.

А к концу съемок Мережко на худсовете «Ленфильма» отказывался от своей фамилии в титрах. Со мной половина студии разговаривала через губу. А до этого ко мне относились тепло и уважительно.

«Актриса прошлых лет». Каких лет? Прошлых. Но каких? Тридцатых, сороковых? Или прошлого века? Об этом спрашивали артисты массовки. В группе объявили конкурс – кто придумает название картины? Я безвольно уступила просьбе Бутурлина назвать картину «Аплодисменты, аплодисменты». В то время я как раз дописывала книгу под этим названием. Мне было все равно. Лишь бы вылезти из картины живой. Лишь бы вылезти!..

К концу съемок я иногда плелась в гостиницу пешком. Можно долго идти по Кировскому мосту. Внизу Нева. Тихо-тихо. Я одна. Только редкие такси. Стою на мосту и долго-долго смотрю на суровую воду. И никаких желаний или каких-нибудь виртуозных придумок! Придумки, отпустите меня! Всю жизнь я у вас в рабстве. Больше не хочу! Хочу спать, спать, спать. А спать не могу. Все проверчиваю, все переигрываю, все перемалываю. То так, то сяк. Уже и светает, а его, желанного сна, все нет и нет.

Меня стала преследовать мысль о том, что я уже никогда не засну. Снотворное действует первые полтора часа, но сквозь сладкую дрему я слышу голоса, вижу груды костюмов, бутерброды с чаем в термосе и сценарий, черканный-перечерканный. Бежать, бежать, бежать из картины. Быстренько, тят-ляп – и привет! Да? Ха-ха! И я, как безнадежный параноик, еще глубже и глубже влезала в роль. А может быть, нужно было довести до конца свое видение? Не знаю. Ничего не знаю. Знаю теперь, что худшее в жизни – потеря здоровья. Остальное не имеет значения. Я всегда сильна задним умом. Он у меня в порядке.

И, конечно, я загремела в больницу. Внутри что-то здорово разладилось. Поем – больно. Не ем – легче. Значит, не язва. Слава богу. Поразительно, что фактор здоровья резко дал о себе знать именно к концу картины, к озвучанию. Я все выжидала, что слабость и боли пройдут, но

они только усиливались. «Ну, наконец-то!» – прошипела судьба и с наслаждением шелкнула меня по носу. «Дорогая, пошла вон!» Вызов брошен. И, съездившись от такой моей наглости, она, голубушка, попятилась. Я стала выздоравливать. То-то же.

Но с того, 1984 года, с тех «Аплодисментов», я на всю оставшуюся жизнь поклялась себе всегда делать только свое актерское дело. Как точно определил Шура Ширвиндт – играть «свой отсек». А значит, что? Видишь промашки – отвернись, не заметь, молчи. И нервы сэкономишь. И отношений не испортишь. И всем хорошо. И всем приятно.

В титрах все фамилии остались. Но когда Мережко по телевидению рассказывал о своем творчестве, «Аплодисменты» он не называл. Ну что ж, так мне и надо. Урок. Хороший урок.

Но вот же парадокс. За рубежом картина имела настоящий большой успех. Купили ее очень многие страны. Несколько фестивалей, тогда еще советских фильмов, открывались «Аплодисментами». Были непростые интересные пресс-конференции. Почему мы не знаем эту актрису? Почему-почему? Да потому, что мы жили в отдельно взятой стране. А у нас все свое. Отдельное. Не как у всех.

Режиссер жаловался, что я ему мешала работать. Он прав. Люся, молчи.

А что спасало? Дом! Я знала, что вот доберусь до номера, и тут же, еще с порога, телефон – звонок из дома. Дом! Домой! Как много сказано, спето и написано о родном доме. И все равно – у каждого свой дом. У меня свой. Он особый. С самого детства.

«Усе у кучичке, уся тройка, и дочурочка моя дороженькая, и мама дочурки, и главный папусик, Марк Гаврилович Гурченко».

Разве я могу забыть эти слова, эту интонацию, эти сильные руки, эту улыбку, доброту и такую веру в свою дочурку? Ах, да что теперь...

Что такое семья, я знаю с детства. И никогда не меняла и не перестраивала своего сознания и понимания семьи.

Ушел папа. И чтобы я совсем не тронулась, Бог послал, в чем я была абсолютно уверена, милого и доброго человека. И с того памятного 1973 года он был всегда рядом, он понимал, умел выслушать и поддержать. А это главное. Без этой поддержки, тепла и внимания любой женщине, а актрисе тем паче, – эх как несладко! Сейчас поговорили. Завтра Костя приедет. Вот и спускается на меня желанный сладкий сон. Ах, как хорошо!

Последние мои мысли о доме. Как я хочу домой, в семью. Но я еще не знаю, что мой сон и моя семья вскоре рассыплются в прах. А пока спи, Люся. Спи пока... Всему свое время.

«Береги нервы, дочурка. Теперь они тебе вокурат нужны позарез».

Наступил 1985 год. Год тотальных изменений и перемен.

Глава третья «Золотой орел»

Перестройка! Перестройка! Перестройка! Ура! А что это такое? А бог его знает. Главное, что все будет по-новому. Все? Все! Вот здорово! Вот интересно! Вот жизнь! Она будет как во всех цивилизованных странах. Смотрите, наш вождь говорит без бумажки. Говорит четко и быстро. И так говорить может и час, и два. Да сколько надо. Не чудо ли? «Начни с себя» – вот лозунг. И все стали перестраиваться.

Все мне в этой новой жизни импонировало. Моя душа наполнилась новыми чувствами, мыслями, образами. Меня охватил необыкновенный порыв жизни. Жизни, которая бурлила и клекотала, несмотря ни на какие злосчастные миги и моменты. Несмотря на подкрадывающийся возраст. Жизни, похожей на лихорадку. Жизни переменчивой и изменчивой, как поведение капризной строптивой красавицы. Я дожила, дожила! Дыши, смотри, ходи, ничего не пропускай.

Вон, смотри, Борис Ельцин идет по коридору обувной фабрики. Его сопровождает счастливая директор. Вот он берет детскую кроссовку, мнет ее своими ручищами: «Ну, и это, вы говорите, лучше, чем «Adidas»? Бросил тапку и пошел, оставив директоршу, годами привыкшую верить, что «советское – значит лучшее», в полнейшем недоумении. Ой, что делать, как жить, – говорило ее лицо. Фантастическая метаморфоза за одну минуту. «Да, товарищи, эта перестройка посложнее, а может быть, и пострашнее, чем революция семнадцатого». Какой красивый, роскошный человек. Богатырь. Царь. Но куда руку поднял? Ого, размах! Революцию побоку? Э, голубчик, сидеть тебе в Бутырке, не сегодня, так завтра. Прошло завтра. Прошло послезавтра. Неужели же правда у нас демократия и свобода?

А на Ленинском, а на проспекте Мира стоят фуры с овощами и фруктами. Все свежайшее, прямо из Грузии, Украины, Армении, Азербайджана. Кончились очереди. Все стоит совсем недорого. Слава богу. О Нем, о Боге, тоже вспомнили. Только еще вчера одному очень талантливому режиссеру предлагали вступить в партию – это весомо, солидно. За рубеж – пожалуйста. И любую картину легко можно будет запустить. «Что вы, я не могу. Я же верующий». – «Да вы что? Какой ужас! Пожалуйста, никому не говорите о нашем разговоре».

А теперь вчера партийный стоит со свечкой в церкви. И лицо просветлевшее, обновленное, как будто никогда и не было партии, единой и нерушимой. Кооперативы, приватизация, налоги, забастовки, многопартийность, курс доллара – все как у людей. А выборы? Выбирай кого хош, фамилий много. Задавай любой вопрос, да ради бога. Давайте, давайте вопросы, вопросы.

Как будто пружина прошлого грандиозного организма, заведенная до определенного предела тиканья, вдруг растикалась, разболталась и выдохлась. А Пятый съезд, первый перестроечный съезд работников кино? Какие речи! Какие смелые, рискованные мысли! Все это существовало, копилось и только ждало революционного момента. Впервые вовсю зазвучало местоимение «я». «Я говорю», «Я уверен», «Я утверждаю». От непривычки аж в висках стучало. Уничтожали, предавали анафеме вчерашние таланты. А я сижу и слышу голос Сергея Мартинсона из фильма «Антон Иванович сердится». Там он играет роль композитора-новатора. «Что? Бах? К черту! Моцарта и Бетховена туда же, туда же. На помойку, на помойку». Многих отправили на помойку. Никита Михалков был как «один в поле воин». Сумел защитить известные имена. А главное, сумел быть верным. В той жаркой обстановке это был подвиг.

Что ж? Буду жить по-новому, по-другому, не отрываясь и не предавая лучшее во вчерашнем. Где-то в этом направлении бродила моя позиция.

Иногда я всю свою жизнь в профессии перелопачиваю и ясно вижу, что я появилась в ней, когда обязательной была только положительная система ориентиров. Какие бы ни были ураганы, сквозь них должны прорываться светлое и оптимистичное. Потому сквозь все эти колотворения буду играть, как кричит внутри, но прорываться к свету. Обязательно. Но... Опять «но». Такие зигзаги жизни. Одно намечаешь, другое диктует обстановка. Вроде я такими тяжелыми путями пришла к достойному месту в профессии. И – враз! – во вчерашнем дне. Во «вчерашних». Отодвинута в сторону. Отодвинулась легко, без борьбы, без протеста. Зачем? Кто тебя услышит, когда вокруг все бурлит и пенится? Ну что ж, отправлюсь на полочку. На новую, перестроечную полочку. Как-то оно там?

В дни кинематографического съезда шел по ТВ фильм «Претендент». В нем я снялась в небольшой роли. Я кожей чувствовала кривую усмешку: «Эх вы, претенденты вчерашнего дня. У нас такое будет! Мир перевернем!» Да я и сама этого хотела. Ждала и жаждала. А может, мы все перелопатим по-своему? Чем-то своим, доселе задушенным. Заставим мир смотреть и слушать нас! Я в это верила.

А тут и рядом, в доме, появились перестроечные встряски. Начались прикидки. Куда бы податься? А что бы такое придумать? Поначалу я не придавала этому особого значения, только улыбалась. Отцу Кости всегда хотелось что-то свое открыть, иметь свое дело. Костя тоже и сценарий писал, и домашними съемками увлекался. Чего-то еще и еще хотел. Слово «фарц» я надолго изжила из употребления. Мы жили в добре и в согласии, без конфликтов. Все завидовали, считали нас примерной парой. Один остроумный артист «возмущался»: «Слушайте, как ни увижу, они все время вместе. Нет, ребята, так не бывает. Ей-богу, здесь есть какая-то загадка». Интересная реплика. Я тогда не придавала этому значения.

Все заметались, разметались. Наш барабанщик уехал в Израиль. Гитарист – в Англию. Друг Кости – в Америку. Врачи шли в фирмы. Музыканты – в продавцы. Все что-то продают, вывозят, привозят. Офисы, обилие ларьков. Старушки на Тверской выстроились в ряд и вынесли все, что было дома, – наволочки, тапочки, вязанные шапочки, лифчики, лампочки.

А у меня – никакого выбора. В эмиграцию? Даже мысль не залетала. Ничего не умею. Не умею продать. Умею только купить. В бизнесе ничего не понимаю. Руководить не умею. Нет у меня ни хладнокровия, ни умения вычислять ходы наперед. И ничем, ну абсолютно ничем, кроме актерства и всего, что ему сопутствует, не интересуюсь.

Когда в перерыве между фильмами были концерты и я впервые вышла из самолета где-то далеко-далеко от Москвы, а потом долго ехала по заснеженным просторам, покрытым угольной пылью, я так явно, всем своим существом, ощутила: кончился бурный, поисковый период моей жизни. Взрывов больше не будет. Во всяком случае, в ближайшее время. Это уж точно. От серого, однообразного пейзажа повеяло временами долгой безработицы, бесконечными переездами и перелетами, выступлениями в шахтах и на заводах, в столовых и тюрьмах. Да вообще где придется.

Добрый вечер! И стоп. Для господ еще не созрела. А «товарищи»... В зале смешок. Потому просто – «Добрый вечер!».

Я снималась в первых фильмах, в которые вкладывали деньги люди, далекие от кино. А кто их будет смотреть? В каких регионах они будут куплены? Четких ответов на все эти вопросы еще не было.

В неразберихе, суете, непонимании – что же происходит и куда все идет? – я ухитрилась сыграть и спеть много мелких и глупых ролей и песен. В то же время обязанность зарабатывать толкала на это. А что делать? Ведь перестройка оставила всех нас, «кинозвезд», – всех, без исключения, – нищими людьми. Каждый выкручивался и не сдавался по-своему. А тут за концерты стали платить вполне приличные деньги. Что же так поздно? Поднатужившись и объездив с концертами Брянск, Орел, Курск и области, я осуществила свое давнее желание – купила себе норковую шубу. Поздно, но осуществила. Ведь их вообще нигде не было. Это

теперь каждая третья девушка в Москве в норке. Казалось бы, приличный гонорар, помимо житейских радостей, дает возможность спокойно работать, не размениваться на мелочи, возможность выбирать. Нет. Я разменивалась и разменивалась. И не могла остановиться. А вдруг завтра будет опять как вчера?

Боялась. Страшно было что-то пропустить, отстать, быть опять ненужной. Как хорошо, думала, поэтам, художникам! Они могут уединиться, творить для себя, находя отголоски в душах истинных своих поклонников. А тут как творить? В уединении? Кино – коллектив. Театр – постоянный коллектив. Каждый день бездействия – паника! А возраст? А лицо? Ведь лицо – моя зарплата. А что делать с паспортными данными? А что делать с ролями, которые неумолимо уходят и уходят?

Паника, паника, суета, раздрызг. Где взять силы, чтобы улыбаться, когда внутри одни грустные вопросы? На что равняться? Что есть, чего не знаю и не понимаю? Ого, как здорово, как смело: «ЧП», «Маленькая Вера». Жестокий реализм. Но это же новое о вчерашнем. А дальше? Как смотреть на нашу жизнь?

Да, так жить нельзя. Боже мой, ну скажите, как жить? Как неудобно, как стыдно, что так живем. И перед собой стыдно. И перед другими народами и государствами.

Я была в Берлине на фестивале. На этом фестивале просматривали картины для того, чтобы их рекомендовать и даже поддерживать финансово для проката в других странах. Я и не знала о существовании таких фестивалей. Сидела в жюри и, в общем, быстро сообразила, что и к чему. Ко мне относились с вниманием и интересом. С некоторыми членами жюри я была знакома по другим фестивалям. А на одном из банкетов выпили за мою премию на Всемирном кинофестивале в Маниле. Я ее получила за роль в «Любимой женщине механика Гаврилова». На то время я давно не слышала о себе ничего доброго. И это было понятно. А ведь дома, на Родине, с премией меня никто не поздравил. Но это было давно. Теперь же другое время. Теперь, если заработаю, наверное, поздравят. Наверное...

От нашей страны, от СССР, показали фильм Станислава Говорухина «Так жить нельзя». Наутро будет голосование, разговоры, дебаты, смех и шутки. О, как изменилось все наутро. С первым шагом в зал меня аж озноб охватил. Я почувствовала такую настороженность – она просто дыбом стояла в воздухе. Как будто в это светлое помещение с золочеными креслами вошел человек вдребезги больной и сейчас всех перезаразит. Каких же внутренних драк мне стоило не побледнеть, не увидеть, не заметить, не потерять вчерашней естественности!

Меня рассматривали в увеличительное стекло. Да, я сейчас единственный живой представитель той жизни, которой жить нельзя. Что ты притворяешься нормальной? Ведь вы все больные, алкоголики, насквозь прогнили. И от вас идет зловоние. А мои любимые духи еще больше в этом контрасте были приторны и удушливы.

Об этом я никому не рассказывала, но то была моя большая личная победа. Даже не через несколько дней, а уже на следующий все вошло в норму. Через самоиронию, шутку, анекдот, через разговоры о нашем новом времени, о демократии, о естественных взрывах на ее первых порах. Кто-то даже сказал, что это смело – так себя вывернуть наизнанку. Это было сказано для меня, чтобы загладить те, первые ледяные часы. Но я поняла, что это наши проблемы. Проблемы для внутреннего пользования. Они все там так далеко улетели в своей сытой жизни. Им наша вопиющая и внезапно открывшаяся всеобщая нищета отвратительна. Такая сильная страна оказалась трухой. Ужас!

Что сказать? Что советский мужчина, получающий копейки за свой труд, превратился в ничто? Что пьяницей его сделали десятилетия такой копеечной жизни? Что даже в песне – «Не могу я тебе в день рождения дорогие подарки дарить, но зато в эти ночи весенние я могу о любви говорить». Вот и все, на что он способен, пока молодой. А потом... С авоськой, в очереди за бутылкой. Вот советского мужчины и не стало.

Тогда я впервые в своей жизни испытала чувство нового и дикого «сиротства». У меня не оказалось за спиной опоры. Что бы ни случилось, как бы судьба меня ни кромсала, я всегда знала и чувствовала, что за моей спиной – моя могучая великая Родина. Она меня поддержит. Нет, не хочу, чтобы было как прежде, но и так, как сейчас, не хочу. А как? Вечный вопрос.

Я приехала с того Берлинского фестиваля убитой. Перестройка. Какие надежды! О, какое будет обновление! А очнувшись, обнаруживаешь себя на краю, без опоры. А жить надо. Надо жить!

Вот так и жила. На ощупь. Этого я точно не буду. Это точно не мое. А это мое. Буду. И все равно ошибалась, чертыхалась и отчаивалась.

Лечу черт знает куда. Роль – ну полная... Хотелось написать слово поточнее. Да вы сами догадаетесь. Потому облегчу и напишу: роль – полная чушь. Но лечу. Начали снимать. Репетиций ни-ни. Разговоров о роли ни-ни. Историйки, анекдотики и сразу: «Мотор!»

Ни во что не вмешиваюсь. Как студентка первого курса.

Перерыв. Должна прилететь актриса. Слышу голос режиссера: «Готовьтесь, приедет актриса. Не суйте ей сразу тряпкой в хайло». Это юмор. Ясно. Приехали. Так мне и надо.

Еду в Минск. Там интересная роль. «Прости нас, мачеха Россия». Героиня, член комиссии по расследованию преступления, совершенного в годы войны, начинает сопереживать преступнику, понимая, что тот обвинен несправедливо. За правду, которую ей на суде не дают сказать, она кончает свою жизнь самоубийством. Она бывшая легчица, хотя по ее кокетливому изящному костюму никогда не подумаешь. Блистательный художник по костюму Элла Семенова. Какая светлая чистая картина! А какой Будрайтис! Вот же загадочный артист. Столько мощи внутри, а внешне спокоен. Прекрасно мы работали с режиссером Юрием Елховым. Но что поделаешь, наши герои на тот момент были несовременны. Нужно только быющее по нервам и по мозгам. О войне вообще перестали говорить. А она живет во мне. Я с ней выросла и возмужала. Ах, как та роль мне была близка! Очень родная роль.

Бывают сцены, к которым долго готовишься, боишься их. И сил хватает только на один дубль. У меня было несколько ролей с самоубийствами. Болею и до и после. Короче, я уже «там» побывала не однажды. В этом фильме такому выстрелу предшествует огромная сцена, где героиня уже в кадре мертвеет – ясно, что так просто она не сможет жить дальше. Выстрел из дамского пистолета – и все! Жизнь кончилась. Та жизнь ей больше не нужна.

На съемки со мной всегда приезжал мягкий и добрый Костя. Закончилась сцена. Я еще лежу на полу. В голове туман. Полное безразличие ко всему вокруг. Руки и ноги ватные. А где же он? Я села, осмотрелась. И увидела совершенно незнакомое лицо. Отчужденное, глубоко погруженное во что-то очень далекое от съемки, от меня. Я отрезвела. Что это? Да нет, показалось. Я проклятый Скорпион. Показалось, конечно.

Да нет, не показалось. Уже тогда шла параллельная жизнь, о которой я и не догадывалась. Мне администратор отеля сказала: «Ого, сколько у вас телефонных переговоров!» Да я вообще никому не звонила. Я с утра до вечера в павильоне.

А тогда, о, как далеко было до моего осознания двойной жизни рядом. Легче, чтобы мне все это показалось. Силы, силы нужны. Завтра лететь в Одессу. Картина «Ожог». Более близкая к сегодняшнему дню история. Мать вора. Конец фильма – она в тюрьме! Ну и роли. В одной самоубийство, в другой тюрьма. В новое время пустили в настоящую тюрьму.

Старая одесская женская тюрьма. Тюрьма-парилка. Меня выводят из камеры. А там еще четыре такие, как я. Только настоящие. И сразу по-другому играешь. Да какая там игра, забываешь о всяких играх. Жизнь. Она бурлит и здесь. Щели вместо форточек. И оттуда: «Маня, мы ждем! Адвоката еще не нашли! Петька Лешке врезал, все нормально!» А в камере: «Людочка, дайте автограф на память». Но надзирательница не разрешает. Снимается только мой выход из камеры. Но и в эти секунды женщина успевает спросить: «Люда, а что сейчас носят?» С ума сойти!

А домой приедешь – что-то явно разладилось. Вообще я так долго не верила в то, что человек может быть вот таким идеальным и любящим. Но шли дни, недели, месяцы, годы, в конце концов. Пора, пора поверить. Трудно жить на полувере. И вдруг фраза: «Не всю же жизнь мне быть пианистом». То есть? А кем? Музыкант – это призвание. И папа, и мама преподаватели музыки. Интересно, им никогда не сиделось на месте. Всю жизнь переезжали из города в город. «Немногих добровольный крест». Львов, Петрозаводск, Алма-Ата, Ереван, Минск, Москва. Что-то везде не устраивало. Ехать в Ереван, потому что там фрукты? Везти такой воз вещей, и вообще, само слово «переезд». Никогда ничего не понимала. Кто-то мешал им, кому-то мешали они, кто-то завидовал. Хотелось нового и нового! Когда мы совсем расходились, вдруг фраза: «Это типичная наша семья». Поскольку мы расстались без особых объяснений, многие фразы пришлось расшифровывать, чтобы понять, почему, когда и, в общем-то, за что такая длинная подготовка у меня за спиной и тонкая актерская игра в лицо.

Сажу в аэропорту «Шереметьево-1», и перед глазами пролетают, как казалось, счастливые годы. И вдруг их закрывает глухая черная стена. Как внезапно! Как же я не была готова. Стоп, Люся. Когда я была здесь? Очень давно...

Аэропорт «Шереметьево-1». VIP-зал. И диванчики вроде такие же. Много переоборудовано. Но здесь со мной происходило что-то неординарное. Но что? Жду багаж. А пленка в мозгу летит, летит и нигде не останавливается. VIP-зал. А, да-да, отсюда и сюда мы улетали и прилетали от Госкино на зарубежные фестивали и недели советских фильмов. Тогда готовили «Шереметьево-2» к Олимпийским играм. Я сидела на спинке одного из этих диванчиков вместе с руководителем делегации и, как всегда, встречающим меня влюбленными глазами Костей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.